

Семенова Е.В.
(Россия, Лесосибирск)

ИНТЕРКУЛЬТУРА: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Ключевые слова: культура, язык, взаимодействие, интеркультура

В статье рассматривается феномен интеркультуры как нового формата взаимодействия культур в нынешнее время. Приводятся данные исследований, раскрывающие две противоположные тенденции в понимании взаимоотношения культур: обособление культур и их взаимодействие, приводящее к единству. Особое внимание уделяется языку в ситуации сближения культур.

Semenova E. V.
(Russia, Lesosibirsk)

INTERCULTURE: A NEW REALITY OR FORGOTTEN OLD?

Key words: culture, language, interaction, interculture

The article discusses the phenomenon of interculture as a new format of cultural interaction at the present time. Two opposing trends in the understanding of the relationship of cultures in scientific research are given: the separation of cultures and their interaction leading to unity. Special attention is paid to the language situation in the situation of the rapprochement of cultures.

Разделение на культуры и языки — феномен, который во многом объясняет суть развития человеческого общества, социальных процессов, литературы, искусства, науки — всего того, что в совокупности представляет собой жизнь человека и существование человечества. Это разделение не носит фатальный характер, оно не является замкнутым навсегда. Напротив, в ходе жизни люди вынуждены вступать в отношения, где необходимо преодолевать межкультурные отличия, находить такие формы коммуникации, включая язык, которые бы помогли установлению оптимальных форм коммуникации с целью достижения взаимодействия взаимопонимания. Иными словами, культуры и языки сосуществуют в формате взаимодействия и взаимоотношения. Характер этих связей может быть различным: от конфликта до диалога культур.

Неослабевающий научный интерес к указанному феномену объясним уже тем, что взаимодействие культур носит синергетичный характер. Эту область невозможно запрограммировать, здесь очень мало основания для прогноза и измерений, но есть невероятно мощная основа для наблюдения, описания и интерпретации. Особый всплеск интереса к данному феномену наблюдается в эпоху Новейшего времени и особенно в нынешнее время, что естественно, связано с ускорением, характерным для этого исторического периода [10]. Однозначного отношения к феномену взаимодействия и взаимоотношения культур нет и, видимо, быть не может в силу многозначности феномена культуры и сложности всего того, что относится к взаимодействию культур. Но, тем не менее, в литературе наблюдаются две основные позиции, противоположные по своей сути.

Первая жестко разграничивает культуры и не допускает их взаимовлияния и взаимодействия. Образная метафора Киплинга очень точно выражает суть данной позиции: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никак».

Идею жесткого обособления культур отстаивал О. Шпенглер. Он утверждал: «Каждый культурно-исторический тип существует обособленно, замкнуто, изолированно. Диалога культур нет. Каждая культура самодостаточна. Она ничего не может воспринять у других культур. Если элементы одной культуры проникают в другую, то они сразу поглощаются».

принимающей культурой, подчиняются ее ритму, такту, вкусу, т.е. перерабатываются ею для себя. Человек, принадлежащий к одной культуре, не только не может воспринять ничего из ценностей других культур, но он и не в силах их понять. Араб или китаец смотрят на мир другими глазами, чем грек, они живут разными интересами, их волнуют иные заботы. Западноевропейская или восточная душа отделены друг от друга непроходимой пропастью. Все формы духовной деятельности человека относятся только к данной определенной культуре, имеют значение только для нее» [12. С.167].

Высказанной точке зрения близка позиция И. Ильина, который считал, что «...каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает, по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный институт. Словом, у каждого народа особый душевный уклад и духовно-творческий акт...» [3. С. 280].

Если иметь в виду национальные особенности и специфику отдельно взятой культуры и народа, то подобные утверждения справедливы. Не смысла отрицать, что принадлежность к определенному народу, а, значит, и к культуре, есть сложная система связей, куда входят природа, история страны, менталитет, национальный характер, коллективное бессознательное и, конечно, язык как часть культуры и его отражение. Доказано, что это не случайный набор понятий, категорий и концептов. О первичности связи культуры и природы перед связью общества и истории писал Г. Гачев: «Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнении; Общество и История призваны восполнить то, чего не даровано стране от природы. С этой точки зрения национальное - и позади и впереди и Пушкин более разветвленно и совершенно русский, чем князь Игорь» [2. С. 11].

Утверждение Г. Гачева есть развитие мысли В. О. Ключевского о прямом влиянии природы различных краев России на характер ее населения, что проявляется в культуре народа. Природа России, по мнению Ключевского, представляла множество затруднений и опасностей. «Это приучало великоросса зорко следить за природой, смотреть в оба, по его выражению, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями... Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается в народных великорусских приметах» [4]. Давно известен факт, что в основе обособления культур и приверженности «своей» культуре лежит система динамических стереотипов, связанных с привычками самоопределения в культуре, которые человек стремится отстоять, иногда любой ценой. Известная проблема «свой-чужой» – это выражение все той же приверженности «своему» и неприятие всего, что ему не соответствует. При встрече с чужой культурой у человека обостряется восприятие «иного», он сравнивает, эмоционально переживает, защищает «свое» или слепо принимает «чужое». Возникающий конфликт культур – это отражение «войны культур», которую блестяще описала С. Г. Тер-Минасова [9]. Автор приводит большое количество примеров, подтверждающих наличие непримиримого противостояния между культурами и языками. «Другая сторона луны», по мнению автора, это «иной» мир языков и культур, что нашло отражение в метафорическом названии книги.

Идею конфликта культур как первой стадии знакомства с чужой культурой обосновал в своем исследовании П. В. Сысоев. За конфликтом культур, по мнению автора, следует самоопределение личности в культуре, а затем диалог культур [8]. Но это своего рода идеальный вариант. Чаще всего даже при удачном стечении обстоятельств современный

человек не доходит до диалога культур, что мы объясняем отсутствием разработанной системы «прохождения» всех трех этапов в иноязычном образовании.

Отрицать наличие специфики и порой кардинального несходства культур нельзя. Даже на рубеже XX-XXI вв., когда наблюдается доминирование стандартов универсального образа жизни, народы и культуры стараются сохранить свою самобытность, сопротивляясь всеобщей унификации. В этом сопротивлении изначально заложено стремление народа (иногда бессознательное) сохранить этничность для будущих поколений. Национальная культура выступает своеобразным «гарантом» самобытности народа, его самосохранения. Вот почему в нынешнее время столь широкий размах получили всевозможные фестивали этнической музыки («Саянское кольцо», «Мир Сибири», «Країна Мрій», «Шешори», «Этнолайф» и др.). Этому факту есть, на наш взгляд, психологическое объяснение: музыка выступает мощным стимулом вызова в подсознании глубинных процессов коллективного бессознательного, архетипов, заложенных в глубине веков и служащих для человека эмоциональным «мостиком» для связи человека в прошлом его народа.

Эмпирические наблюдения убеждают нас в том, что отказ от своей культуры, полное принятие образцов другой, «чужой» культуры ведут к необратимым потерям. Т. В. Фурьева приводит яркий пример, когда установка металлических горок во дворах современных российских мегаполисов вызывает смену ценностей у подрастающего поколения. «Катание с ледяной горы несет в себе глубокий культурно-символический смысл. Ледяная горка воплощает собой психологию народа, проживающего в трудных климатических условиях, для которого особую ценность имеют физическая сила, выносливость, владение своим телом, размах, удаль и вместе с тем социальность и дружелюбие... Металлические горки, которые традиционно устанавливаются во дворах сибирских домов для игр детей, ограничивают степень двигательной свободы, возможностей экспериментирования детей со своим телом, развивают индивидуализм» [11. С. 28].

В полном тревоги и грусти эссе Айера Пико «Жизнь транзитного пассажира» в образно-художественной форме передан образ нового типа людей – «трансконтинентального племени бродяг», у которых нет Родины, нет культурной идентификации и исторических корней. «Иногда я задаюсь вопросом, а не противоречит ли эта новая самодостаточность и независимость какому-то важнейшему свойству человеческой природы. Беженец, по крайней мере, питает горячие чувства к покинутому им миру и, как правило, стремится вернуться в него. Эмигранта гонит с родины какое-то сильное чувство – равнодушие эмигранту не свойственно. А какие чувства испытывает обитатель зала для транзитных пассажиров? За что мы готовы пойти на смерть? Какие страсти питают нашу жизнь?» [7].

Идея обособленности культур способна объяснить стремление народов сохранить свою культурную идентичность, но не в состоянии раскрыть другую составляющую сосуществования различных культур — их стремление к единению, что особенно ярко проявляется в эпоху глобализации.

Современная жизнь не оставляет шанса на этническую «чистоту», перемешивая народы и этнические группы в силу самых разных причин – от специфики мировой экономики до переоценки роли общественных институтов. Человечество вынуждено «учиться жить» в новых условиях многонациональности и поликультурности. Э. Ласло называет новый формат жизни человечества «интерсуществование», утверждая, что оно охватило всю планету и выражается в зависимости государств и сообществ друг от друга в плане экономического и экологического благосостояния и территориальной безопасности [5]. К примеру, бытовой уровень изобилует образцами такого взаимодействия. Э. Морен описывает европейца, который пользуется в своем быту результатами и плодами культурной деятельности многих народов (от швейцарских часов до японской электроники) [6], принимая это как должное. При этом не наступает полной унификации культуры.

Г. Гачев, изучая национальные образы мира, которые, по сути, являются особенным относительно общего – культуры мира, обозначает парадокс, который заключается в том, что

с одной стороны, мы наблюдаем сближение народов и культур, с другой – обострение «национальной чувствительности». Унифицированность всех народов в быту и мышлении не мешает, как пишет автор, в «...ядре своем оставаться самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, и проч., ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [2. С. 23].

Идея единства многообразной человеческой культуры была имплицитно обозначена еще в античные времена, когда за расширением географического пространства в связи с войнами, торговлей и пр. античные мыслители не раз задавались вопросами единства и разнообразия культур и народов. С.Н. Артановский, исследуя историю изучения проблемы единства и множественности культур в этнографии, ссылается на критерий, возникший в XIX в., о коренном равенстве умов, одинаковой психической полноценности всех народов мира и выводит тезис о «психическом единстве человечества» [1. С.2]. Данный тезис имеет глубоко гуманистический смысл. Автор исходит из единства биологической природы и сознания человека и определяет это единство как основу единства человеческой культуры.

С. Н. Артановский пишет также о том, что историческое единство культур не означает их тождества, поскольку тождество – это полная повторяемость, а в мире не наблюдается ни одного подобного факта. Все культуры самобытны и уникальны, и между ними существуют связи, которые, на первый взгляд, характерны только для этой области действительности, но имеют гораздо более широкий спектр действия. К примеру, известно, что многие технические изобретения появились из склонности народов к подражанию, появление некоторых из них было «спровоцировано» существованием в другой культуре (например, изобретение фарфора в Европе после знакомства с опытом производства фарфора в Китае). Для этого должны появиться схожие условия, и, как только они возникают, в конкретной культуре возникает что-то новое, что еще совсем недавно было для нее неорганично.

Характер и последствия взаимоотношения культур и их взаимосвязи непредсказуемы в своей природе и проявляются на всех уровнях: от научного осмысления природы вещей до бытового. Известен своеобразный переход объекта из разряда национальной культуры в общемировую. Так, философское наследие античного мира давно перестало быть принадлежностью лишь национальной культуры, к которой относились мыслители той исторической эпохи. Все это стало достоянием человечества, которое изучает наследие прошлого или наслаждается шедеврами искусства без ссылок на конкретный культурный контекст, который, конечно же, остается, но он в данном случае вторичен. В данном случае кумулятивная функция культуры служит всему человечеству, а не только той культуре, где ее продукт был создан. Так появляется «всеобщность мировых и культурных связей во времени и пространстве» [1. С. 18]. Эта всеобщность делает культуру вневременной, наделяет ее способностью существовать в различных пространственных координатах и позволяет осмысливать мир как единое культурное пространство.

Вместе с тем, каждая историческая эпоха отличается своей спецификой взаимодействия и взаимоотношения культур. Нынешнее время – время невиданного ускорения социальных процессов и информационной открытости мира – диктует новый формат культурного взаимодействия, который проявляется внешне в виде контактов различного плана, и формирует у современного человека картину мира, присущую современному историческому времени. Эта картина мира носит «лоскутный» или, как его еще называют, «клиповый» характер, она информационно перенасыщена, содержит ценностную путаницу. «Иная» культура буквально врывается в жизнь, не спрашивая разрешения. Иногда это происходит почти насильственно (например, американизация многих сторон современной российской, и не только, жизни), иногда это влияние носит латентный характер, но отрицать данный факт нет смысла. Взаимодействие культур сегодня – широкий контекст пересечения различных культур при сохранении особенностей национальных культур и следовании общечеловеческим основам бытия.

Мы полагаем, что из существующих терминов и понятий, обозначающих указанное явление, наиболее адекватным является термин «интеркультура». «Интер» в переводе с латыни означает «между». Современный характер взаимоотношений культур синергетичен, он предполагает непредсказуемость и стохастичность, его нельзя запланировать и осуществить по плану. Сущность феномена взаимодействия культур в формате «между», на наш взгляд, соответствует новому пониманию и признанию взаимодействия и взаимоотношений, возникающих между современными культурами.

Следует отметить, что в литературе термин «интеркультура» встречается в других контекстах.

В работах отечественных исследователей указывается интернационализация мира в связи с глобализацией (Ю. Ю. Бочарова, С. Г. Саблина), разрабатываются проблемы интеркультурной коммуникации (Н. В. Янкина, С. Г. Кулагина), изучен опыт интеркультурной деятельности студентов в образовательной среде вуза (А. А. Егарзина), активно прорабатываются концепции интеркультурного образования в современной Германии, где проблема интеркультурного взаимодействия стоит достаточно остро (Т. Б. Лаврова). И. В. Приходько изучает исторический аспект интеркультурного фактора в развитии образования на Архангельском Севере, С. Н. Вельгушева исследует проблемы интеркультурного воспитания школьников. Е. В. Воевода пишет о негативном феномене интеркультурализма, которое «сознательно нацелено на «размывание» или даже уничтожение культурных различий между коммуникантами. В 2003 г. был реализован международный образовательный проект «Интеркультура», целью которого было повысить уровень знаний в сфере интеркультуры у молодежи, открыв для них возможность интернационального общения.

За рубежом интеркультура представляет собой широкий контекст как теоретических, так и практико-ориентированных исследований. Так, представленный в интернете Interculture Map website предлагает широкому кругу заинтересованных лиц теорию вопроса, а также всем, кого волнует проблемы взаимодействия культур в современном мире, разработать и предложить свой проект по указанной тематике. Термин "Interculture" трактуется как «umbrella-term» и используется для обозначения широкого круга инициатив, разных по мотивации, намерениям и результатам.

В современном мире чрезвычайно важным оказалось понимание сущности и реализация интеркультурных взаимодействий в бизнесе, для успеха которого необходимо специальное обучение, приобретающее характер индустрии. Обучение в модели интеркультурного взаимодействия предполагает формирование осознания особенностей собственной культуры, знание и понимание систем ценностей, привитие навыков межкультурного поведения, кросс-культурную компетентность, помогающую эффективно взаимодействовать в глобальном масштабе. В данном контексте интеркультура становится синонимична межкультурной коммуникации, являя собой при этом сложный самоорганизующийся феномен взаимодействия культур в современном мире, включающий в себя стохастичность, непредсказуемость, взаимообогащение, единство конфликта и диалога культур.

Интеркультура не предполагает «перемешивание» культур или доминирование какой-либо одной культуры. В качестве декларации такого взаимодействия может служить выдвинутая в последние годы стратегия замены существовавшей в США идеи «котла языков и культур» («melting pot of languages and cultures») на идею «салата из языков и культур» («salad of languages and cultures»). Совершенно очевидно, что во втором случае каждый ингредиент (культура), находясь рядом с другими ингредиентами (культурами) сохранит свою уникальность и самобытность. Интеркультура, таким образом, оказывается своего рода гарантом для сохранения и развития национальных культур, создавая условия для взаимообогащения и взаимодействия культур.

Но, культура, как известно, весьма емкое понятие, куда, помимо прочего, входит язык, и здесь всё оказывается не так просто, как в других аспектах взаимодействия народов на культурном уровне. С одной стороны, язык наиболее подвержен сохранению культурной самобытности в «чистоте». Разумеется, можно привести примеры заимствований, варваризации, почти насильственного перехода с кириллицы на латынь, провозглашение в нынешнюю эпоху английского языка языком *lingua franca* и пр. Но в своей основе язык любого народа — своего рода «охранная грамота» для конкретной культуры. Любые попытки создания искусственных языков оказались непригодными для широкого внедрения. С другой стороны, языки, также как и любые другие явления культуры, меняют свой статус и место в культурной и языковой картине мира под влиянием целого ряда обстоятельств. Так, хорошо известен факт в истории Британии, когда в I-V вв. непродолжительные набеги викингов оказали весьма существенное влияние на древнеанглийский язык, изменив строй языка и сделав его аналитическим. Причина же носила общекультурный характер: британцы быстро и по достоинству оценили достоинства аналитического строя языка, позволяющего проще и конкретнее выражать мысль, что для них, стремящихся к быстрому развитию страны, было актуально.

Таким образом, интеркультура как взаимодействие и взаимоотношение культур в современном мире, включает в себя широкий круг явлений, где общекультурные и языковые аспекты представляют собой сложную, мозаичную картину. Несмотря на тот факт, что научный интерес к данному феномену возник давно, нынешнее его понимание наполнено новыми смыслами и возможностями для исследования.

Список литературы

1. Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимовлияние культур / С.Н. Артановский. — М., 1967. — 267 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Гачев. — М., 1995. — 480 с.
3. Ильин И. А. Русская идея / И.А.Ильин. — М., 1992. — 530 с.
4. Ключевский В.О. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kluchevsk/_17.php
5. Ласло Э. Пути, ведущие в грядущее тысячелетие. Проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. - URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/-PAPERS/HISTORY/VV_HI16W.HTM
6. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач / В кн.: Синергетическая парадигма.— М., 2007.— С. 145-190.
7. Пико А. Жизнь транзитного пассажира. lib.rin.ru/doc/:/93421p.himl
8. Сысоев П.В. Обучение культурному самоопределению и диалогу культур посредством иностранного языка (на материале курса по культуроведению США для языковых вузов) — http://www.prof.msu.ru/publ/omsk_2/035.htm
9. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики / С.Г. Тер-Минасова. — М., 2007.— 286 с.
10. Тоффлер Э Шок будущего: пер. с англ. / Э.Тоффлер. — М., 2008. — 557 с.
11. Фуряева Т.В. Философско-антропологический подход в педагогике детства / В сб.: Вопросы педагогического образования. Иркутск, 2004, с. 22-31.
12. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — М., 1993. — 663 с.